

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ПРОФЕССОРОВ-ФИЛОЛОГОВ (на материале текстов академического дискурса)

Е. И. Петрова, Т. Е. Токарева

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Методом объективного прагмалингвистического эксперимента исследовалось речевое поведение немецких профессоров-филологов по речевой стратегии скрытого воздействия «участия/неучастия коммуникантов в речевом событии», описаны фрагменты их речевых портретов и диагностированы их индивидуальные и стереотипные черты, отражающиеся в создаваемых ими текстах академического дискурса.

Ключевые слова: *речевое поведение, речевой портрет, стратегии скрытого воздействия, скрытая прагмалингвистика, академический дискурс.*

С развитием антропоцентрической парадигмы фокус исследования переместился с чисто лингвистических явлений на функционирование языка в системе живого общения. Явления языка стали рассматривать не только в рамках формальной и стройной языковой системы, но и как бы «сквозь» человека, его намерения и интенции. Это привело к развитию такой лингвистической дисциплины, как прагмалингвистика, в сферу интересов которой входит изучение явлений, присущих исключительно человеку. Среди таких явлений важное место занимают феномены речевой деятельности и речевого поведения коммуникантов. Исследовательский интерес сосредоточен в настоящее время на изучении языка разных социальных групп с точки зрения выявления и анализа их стереотипных, а также индивидуальных черт. Не менее актуальным представляется функционирование языка в рамках различных дискурсов, которые накладывают свой отпечаток на выбор языковых средств отправителем текста.

Целью настоящей статьи является исследование речевого поведения немецких профессоров-филологов, составление речевого портрета и диагностирование их личностных качеств в рамках академического дискурса.

Понятие «дискурс» на сегодняшний день является одним из центральных для теоретического языкознания. В 1970-х гг. данный термин трактовался как последовательность речевых актов, связанный текст. Одно из фундаментальных определений дискурса принадлежит Н. Д. Арутюновой: дискурс — это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и други-

ми факторами, текст, взятый в понятийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие» [1, с. 136].

Классическое определение дискурса принадлежит также Т. ван Дейку, который предложил рассмотрение дискурса в широком и узком смысле. В широком смысле под дискурсом понимается коммуникативное действие — комплексное коммуникативное событие, протекающее между говорящим и слушающим/наблюдателем при определённых временных, пространственных и пр. условиях; в узком смысле дискурс определяется как продукт коммуникативного действия, который может быть завершённым или продолжающимся, — текст или разговор. При этом учёный разграничивает понятия «дискурс» и «текст», указывая на то, что дискурс — это произносимый здесь и сейчас или уже произнесённый текст, а текст как таковой — это отвлечённая грамматическая структура произносимого текста, касающаяся системы языка или формальных лингвистических знаний [2, с. 203].

Структура дискурса предполагает наличие двух сторон — адресанта и адресата. В связи с этим процесс речевого общения может рассматриваться с двух позиций: с точки зрения процесса порождения дискурса и с точки зрения его восприятия.

Разрабатывая классификацию дискурсов, А. А. Кибрик в качестве одного из критериев выделяет категорию формальности, которая базируется на характере социальных взаимоотношений между коммуникантами [5]. Категорию формальности можно соотнести с оппозицией личностно-ориентированного (персонального) и статусно-ориентированного (институционального) дискурса

в работах В. И. Карасика. Персональный дискурс находит своё выражение в близком и доверительном общении двух людей, когда оба открывают друг другу свой внутренний мир, делятся личными переживаниями и мыслями. Персональный дискурс существует в двух разновидностях: бытовой дискурс, отличающийся наличием сокращённого кода общения, способствующего тому, что люди понимают друг друга с полуслова, и бытийный дискурс, спецификой которого становится «нахождение и переживание существенных смыслов, художественное и философское постижение мира». Институциональный дискурс, напротив, определяется как «речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития» [4, с. 193].

Важной особенностью институционального дискурса является тот факт, что его участники могут быть и не знакомы друг с другом лично, но обязательным условием для них является соблюдение норм и правил коммуникации, бытующих в конкретной социальной общности. Ядро любого институционального дискурса, по мнению учёного, составляет базовая пара коммуникантов — преподаватель и студент, учитель и ученик и т. д., а также чёткая цель коммуникации и прототипное место её осуществления (университет, школа и т. д.) [4, с. 195].

Одним из видов институционального дискурса является академический дискурс. Под академическим дискурсом понимается процесс и результат коммуникативного взаимодействия в сфере высшего образования. Цель академического дискурса — передача профессиональных знаний и умений, формирование методологических основ осмысления фактов действительности и подготовка специалистов высшей квалификации. Академический дискурс может быть описан и как особый тип межличностного взаимодействия адресанта и адресата, при котором адресант целенаправленно влияет на когнитивную сферу адресата для формирования системы профессиональных знаний и профессионального мышления [11, с. 132]. Ж. Кизендаль определяет академический дискурс как совокупность всех коммуникативных жанров, реализуемых в рамках вузов [17, с. 17].

Академический дискурс отличает ряд социолингвистических признаков, к которым Я. В. Зуб-

кова относит цель коммуникации, агентов, хронотоп, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы [3, с. 32]. Целью академического дискурса выступает профессиональное педагогическое общение в вузе, в фокусе которого находится подготовка специалистов в определённой области. Участниками академического дискурса выступают агенты — преподаватели высших учебных заведений — и клиенты — студенты. Хронотопом выступает сочетание присущего этому дискурсу типового времени и места (период обучения студента в вузе, собственно учебное заведение, лекции, семинары, практические занятия и т. д.). Ценности академического дискурса совпадают с ценностями педагогического: это прежде всего социализация, в процессе которой индивид приобретает систему общекультурных ценностей и установок [4, с. 255].

Наличие двух стратегий — преподавателя и студента — является обязательным для академического дискурса и определяет его институциональный характер. Стратегии преподавателя встроены в образовательный процесс и направлены на его развитие и урегулирование. Стратегии преподавателя включают обучение, воспитание, контроль и оценивание [3, с. 31].

К. Хайленд в своей работе «Metadiscourse» выделяет ещё одну ключевую особенность академического дискурса, которая не упоминается в работах отечественных лингвистов, — состоятельность [16, с. 2]. Суть этого свойства академического дискурса заключается в том, что никакой исследователь не станет создавать свои научные труды, что называется, в пустоту. Ему необходимо внести свой вклад в рассмотрение той или иной научной проблемы, выразив своё отношение к уже существующим по этой теме исследованиям и предложив свою точку зрения.

Жанры академического дискурса отличаются следующими характерными особенностями: 1) использование научного и делового стиля; 2) названия жанров отражают наполняемость дискурсивных действий [3, с. 31]. К прецедентным текстам академического дискурса относятся как учебники и методические пособия, так и научные труды, которые и будут рассматриваться в настоящем исследовании.

В настоящее время учёных привлекает возможность изучения языковой личности, являющейся участником такого типа дискурса, и анализа её речевого поведения. В настоящей статье речевое поведение трактуется с позиции скрытой прагма-

лингвистики, изучающей актуализацию скрытых категорий языка. В рамках этого направления речевое поведение рассматривается как неосознаваемый отправителем текста выбор грамматических и контекстуальных категорий. Этот выбор определяется речевым опытом, который в результате многократных повторений уходит вглубь сознания и становится мгновенным, автоматическим и машинальным [6, с. 22]. Речевое поведение отправителя текста складывается из речевых поступков [10, с. 27–28]. Речевые поступки запечатлены в тексте в виде малых синтаксических групп, через которые также выражаются планы стратегий речевого воздействия [7, с. 6].

Для анализа речевого поведения немецких профессоров-филологов мы воспользовались методом объективного прагмалингвистического эксперимента. Основные положения этого эксперимента были сформулированы профессором Г. Г. Матвеевой для идентификации прагмалингвистических элементов речевого портрета автора и описания его индивидуальных личностных черт [6, с. 50].

Целью проведённого нами объективного прагмалингвистического эксперимента является анализ текстов немецких профессоров-филологов и составление на их основе фрагментов их прагмалингвистических речевых портретов, а также диагностирование их личностных качеств в рамках академического дискурса.

Мы исходим из того, что тексты разных дискурсов предъявляют определённые требования к их отправителям. Академический дискурс ограничивает отправителя текста в выборе речевых сигналов и сдерживает его определёнными жанровыми канонами. Если при создании текстов в рамках академического дискурса авторы на неосознаваемом уровне строят свои тексты с учётом этих норм и ожиданий актуализации речевых стратегий скрытого воздействия, то это отражается в их стереотипичном речевом поведении и его можно будет описать.

В то же время речевая привычка автора текста находит своё выражение в прецедентных текстах дискурса, что позволяет нам диагностировать не только жанровообусловленные, но и индивидуальные черты отправителя текста.

Объектом анализа выступают личностные качества отправителей текстов, диагностируемые на основе речевого опыта и речевой привычки, доведённой до автоматизма. Здесь имеет смысл сказать о выявлении нюансов смысла — имплицитно актуализируемых отправителем грамматических

и текстуальных речевых сигналов, которые, накапливаясь в сознании получателя, позволяют ему выявить его индивидуальные личностные свойства [9, с. 223]. С позиции скрытой прагмалингвистики эти нюансы смысла выступают скрытыми воздействующими речевыми стратегиями отправителя текста на его получателя.

Предметом исследования выступают речевые сигналы скрытого воздействия, актуализируемые отправителем из набора потенциально возможных. Речевые сигналы автора текста — индивидуальные. Речевые сигналы, актуализированные автором в определённом тексте, можно просчитать и зафиксировать в виде таблицы. Такая таблица выявляет речевые предпочтения конкретного автора и может быть названа его прагмалингвистическим речевым портретом.

Прагмалингвистический речевой портрет автора представляет «речевую палитру языковых предпочтений конкретного автора, актуализирующего в конкретном тексте набор планов речевых стратегий для скрытого воздействия на конкретного получателя в конкретной ситуации» [6, с. 87]. В речевом портрете всегда скрыта речевая привычка автора, которую можно обнаружить на основании речевых сигналов актуализации их грамматических форм [8, с. 66]. Речевая привычка, по мнению Г. Г. Матвеевой, формирует идиостиль автора и в значительной степени помогает описать его реальный речевой портрет.

Материалом проведённого исследования послужили научные статьи, объединённые не только общей тематикой — особенностями интернет-коммуникации, но и экстралингвистическими параметрами. Все авторы статей мужчины одной возрастной группы (возраст на момент написания статьи — 55–65 лет). Авторы статей — авторитетные учёные, обладающие докторской степенью. Из шести скрытых воздействующих стратегий отправителя текста на получателя, описанных профессором Г. Г. Матвеевой [8], для анализа статей немецких профессоров-филологов мы воспользовались эмотивно-ориентированной стратегией «участия/неучастия коммуникантов в речевом событии». Эта стратегия связана с отправителем текста и актуализируется в тексте в одном из трёх речевых планов: личном, социальном или предметном.

Каждый план выбранной нами стратегии имеет набор определённых речевых сигналов, и конкретный автор реализует в конкретном тексте речевые сигналы исходя из своего личного речевого опыта.

Выбранные для анализа статьи мы поделили на малые синтаксические группы (МСГ). Малая синтаксическая группа представляет собой актуализированную предикативную единицу и является единицей исследования в скрытой прагмалингвистике. К МСГ относят группы с финитными и нефинитными формами глагола [7, с. 76]. В каждой МСГ реализован речевой поступок, который формирует речевые планы и стратегии. У каждого автора было выбрано по 500 МСГ. Общее количество проанализированных МСГ у пяти авторов составило 2 500. Мы провели подсчёт актуализированных речевых сигналов стратегии скрытого воздействия по трём планам. Полученные данные приведены в таблице.

В таблице представлены данные по каждому из трёх планов-вариантов стратегии: МСГ каждого плана, абсолютные речевые показатели в процентах, средний речевой показатель идентификации плана, а также допустимый шаг отклонения и доверительный интервал.

Для проанализированных нами текстов академического дискурса средний речевой показатель актуализации авторами личного плана составил 3,1 %, социального — 6,9 %, предметного — 90,1 %. Отклонения от доверительно интервала именно от этих показаний позволяют нам сделать выводы о текстах академического дискурса и диагностировать речевое поведение авторов.

Как видно из таблицы, личный план в наименьшей степени актуализирован у всех пяти авторов, что, на наш взгляд, коррелирует с особенностями тестов академического дискурса. Такие низкие показатели актуализации личного плана свидетельствуют о том, что автор исключает себя из по-

вестования с целью повышения объективности, создания непредвзятого отношения к происходящему. Значительное отклонение от верхней границы допустимого шага наблюдается лишь у одного из авторов — Уве Вирта (5,2 %). Это подчёркивает статус учёного, говорит о его уверенности, авторитарности и готовности нести ответственность перед научным сообществом или получателями текста за высказанное им мнение.

Перейдём к рассмотрению социального плана, при котором отправитель текста как бы косвенно «задействует» получателя. Социальный план используется авторами лишь в 6,9 % случаев. Наиболее ярко этот план актуализируется у Михаэля Дюрра (11,8 %). Это подчёркивает открытость учёного к диалогу с научным сообществом, а также с иными потенциальными получателями, готовность к критике, стремление «вовлечь» получателя в ход своих мыслей и предугадать его возможные соображения на этот счёт.

Остановимся на особенностях актуализации предметного плана. Приведённые в таблице данные показывают очень высокий показатель актуализации предметного плана во всех проанализированных статьях — 90,1 %. Доминирование предметного плана вполне объяснимо требованиями, предъявляемыми к текстам академического дискурса. Мы с полной уверенностью можем утверждать, что все авторы проанализированных нами текстов стремятся к максимально объективному и беспристрастному изложению научных сведений и результатов своих исследований. Они избегают субъективности и оценочности в своих высказываниях, что делает их работы точными и доказательными. Отклонения в большую сто-

Речевое поведение немецких профессоров-филологов по речевой стратегии скрытого воздействия «участия/неучастия коммуникантов в речевом событии»

Автор	МСГ	Личный план		Социальный план		Предметный план	
		МСГ	%	МСГ	%	МСГ	%
Gundolf F. Freyermuth	500	9	1,8	8	1,6	483	96,6
Stefan Habscheid	500	13	2,6	51	10,2	436	87,2
Uwe Wirth	500	26	5,2	42	8,4	435	87,0
Jannis Androutopoulos	500	11	2,2	14	2,8	477	95,0
Michael Dürr	500	19	3,8	59	11,8	422	84,4
СРП	2500	78	3,1	174	6,9	2253	90,1
Шаг отклонения			1,1		3,8		4,6
Доверительный интервал			1,9–4,3		3,1–10,8		85,5–94,7

рону от допустимого шага в рамках предметного плана наблюдаются у Гундольфа Ф. Фрейермута (96,6 %) и Яниса Андрутсопулуса (95 %), что говорит о наиболее ярком проявлении черт непредвзятости и непредубеждённости у этих авторов. Они стремятся в большей степени, чем другие исследуемые нами авторы, дистанцироваться от выражения собственного «я» в научном тексте, поскольку приоритетной чертой научного стиля является объективность изложения научных фактов. Также на такой высокий процент акцентуации предметного плана могла, на наш взгляд, повлиять и лингвистическая традиция, сформированная Х. Вайнрихом, которая предписывает всем служителям науки запрет на авторизацию и любое проявление авторской индивидуальности [18, с. 132–138].

Значения данных актуализации авторами личного, социального и предметного планов к среднему речеванровому показателю свидетельствуют о речевом поведении, соответствующем нормам, предъявляемым к текстам рассматриваемого дискурса. Отклонения от среднего речеванрового показателя у разных авторов свидетельствует об их индивидуальности.

Также мы проанализировали палитру языковых предпочтений авторов при актуализации ими речевых планов-вариантов скрытой воздействующей стратегии «участия/неучастия коммуникантов в речевом событии».

При выборе личного плана стратегии наиболее характерно употребление страдательного залога, конструкций с глаголом *scheinen* и лексем со значением «приходится». Приведём конкретные примеры:

- Употребление страдательного залога с невыраженным агенсом:

Dabei ist natürlich auch von Interesse, <...> mit welchen kommunikativen Grundhaltungen die Äußerungen im Chat produziert und rezipiert werden [19, с. 68].

- Использование конструкций с глаголом *scheinen*:

Parallel zur rapide zunehmenden Anzahl von Onlinepublikationen scheint sich in dieser Phase das Begriffsverständnis eines E-Zines zu verändern [12, с. 103].

Nicht anders scheinen nun die Disruptionen der jüngeren Vergangenheit ... [14, с. 28].

Использование страдательного залога и конструкций с глаголом *scheinen* указывает лишь на косвенное присутствие речевого авторского

«я» в тексте. Это связано, очевидно, с тем, что на протяжении многих лет в немецкой научной культуре существовал запрет на прямое выражение авторской индивидуальности, поскольку цель науки — это трансляция универсального знания, а не самовыражение. Однако на сегодняшний день некоторые учёные используют эксклюзивное личное местоимение *ich* в начале или конце своих исследований для того, чтобы описать общую картину исследования, цели, задачи, интенции. Так, у Г. Фрейермута находим часть описания учёным этапов своего исследования: *Auf dieser doppelten Grundlage — der Einsicht in das technologische Potenzial digitaler Kommunikation wie in die soziale Dynamik ihrer bisherigen Nutzung — unternehme ich es dann, die Kommunikationspraxis des kommenden Jahrzehnts einzuschätzen. <...> Zunächst skizziere ich den Stand und unmittelbar anstehende Fortschritte von Hard — und Software* [14, с. 15].

- Использование лексем со значением «приходится»:

Auf Grund konservatorischer Rücksichten müssen oft zeit- und kostenaufwändige Digitalisierungsformen gewählt werden... [13, с. 140].

Рассмотрим языковые предпочтения актуализации социального плана. Анализ текстов показал, что авторы актуализируют преимущественно следующие виды речевых сигналов: неопределённо-личное местоимение *man*, придаточные условия или образа действия, предикативные конструкции типа «можно», «нужно», «важно» и т. д.:

- Использование неопределённо-личного местоимения *man*. Часто *man* используется в составе условных придаточных предложений с глаголами, означающими ментальные или чувственные процессы:

Das gilt erst recht, wenn man Theorien nicht auf ihre (annäherungsweise) Korrespondenz mit Tatsachen hin bewertet, sondern in konstruktivistischer Manier nach ihrer praktischen Brauchbarkeit im Rahmen bestimmter Problemstellungen [15, с. 47].

Insbesondere in der lateinischen Brieftheorie ist die Briefsituation dadurch ausgezeichnet, dass man sich „wechselseitig die Anwesenheit des Partners vorstellt“ [19, с. 73].

- Предикативные группы выражаются в текстах исследуемых авторов с помощью конструкций *sich lassen + Infinitiv*, *sein + zu + Infinitiv*, а также с помощью модальных глаголов в сочетании с пассивным инфинитивом, а также с агенсом, подразумевающим как отправителя, так

и получателя. Сюда же можно отнести конструкции типа *lesbar / sichtbar sein* и т. д.:

Dieses terminologische Problem lässt sich umgehen, indem man massenmediale Kommunikationsereignisse als Prozesse mehrerer, teils indirekt, teils Face-to-Face realisierter Semiosen auffasst ... [15, с. 53]

Bei Zeitschriften ist ein ähnlicher Druck zu beobachten [13, с. 135].

Weblogs, Indymedia und E-Zines werden eine Reihe von gemeinsamen Kennzeichen zugeschrieben, die hier stichartig zusammengefasst werden sollen ... [12, с. 106]

Qualität und Verlässlichkeit der im Internet publizierten Inhalte sind unterschiedlich und oft schwer einschätzbar [13, с. 141].

Использование речевых сигналов социального плана в текстах академического дискурса придаёт им кооперативный характер. Отправители вовлекают своих потенциальных получателей в ход собственных рассуждений, предвосхищая возможные вопросы со стороны последних и заранее давая на них ответы.

Проанализировав речевое поведение немецких профессоров-филологов, мы можем сделать следующие выводы:

1. Актуализация речевых планов скрытой воздействующей стратегии «участия/неучастия ком-

муникантов в речевом событии» определяется дискурсом, к которому относится текст. В текстах академического дискурса доминантным является предметный план, личный и социальный план отличаются низкими показателями. Это говорит о стремлении учёных к объективности и непредвзятости, но при этом свидетельствует об их готовности взаимодействовать с научным сообществом и потенциальными получателями.

2. Отклонения показателей актуализации внутри планов определяются индивидуальными особенностями авторов. Отклонения от доверительного интервала позволили нам диагностировать у некоторых авторов такие черты, как авторитарность, уверенность, стремление к максимально исчерпывающей объективности, открытость, с одной стороны, и стремление дистанцироваться — с другой. Таким образом, речевая привычка находит своё выражение в прецедентных текстах дискурса, что позволяет нам диагностировать не только жанровообусловленные, но и индивидуальные черты отправителя текста.

3. Языковые предпочтения автора зависят от конкретной ситуации общения, от речевого опыта коммуникантов и ограничены рамками дискурса, в котором делается сообщение.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 360.
2. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
3. Зубкова Л. И. Конститутивные признаки академического дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. С. 28–32.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
5. Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.
6. Матвеева Г. Г. Диагностирование личностных качеств человека по его речи. Ростов-на-Дону, 1998.
7. Матвеева Г. Г., Петрова Е. И. Речевая деятельность и речевое поведение как составляющие речи // Актуальные проблемы коммуникации : международный сборник научных трудов. М. ; Пятигорск, 2005. С. 66–72.
8. Матвеева Г. Г., Зюбина И. А. Речевая привычка как основа речевого портрета говорящего (на материале британского политического дискурса) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2016. Т. 15, № 4. С. 63–68.
9. Матвеева Г. Г., Ленец А. В., Петрова Е. И. Основы прагмалингвистики. М., 2015.
10. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. М., 1989.
11. Шпенюк И. Е. Научно-академический дискурс как институциональный вид дискурса // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. 2016. № 4 (97). С. 132–137.
12. Androutsopoulos J. Onlinemagazine und Co. Publizistische Nischenangebote im Internet // Websprache. net Sprache und Kommunikation im Internet / hg. von Torsten Siever, Peter Schobliniski, Jens Ruhnkehl. Berlin; New York, 2005. S. 98–131.
13. Dürr M. Onlinepublishing und die Zukunft des Buches // Websprache.net Sprache und Kommunikation

im Internet / hg. von Torsten Siever, Peter Schoblinski, Jens Ruhnkehl. Berlin; New York, 2005. S. 132–158.

14. Freyermuth F. G. Der große Kommunikator. Soziale Konsequenzen von mediamerging und Transmedialisierung // Websprache.net Sprache und Kommunikation im Internet / hg. von Torsten Siever, Peter Schoblinski, Jens Ruhnkehl. Berlin; New York, 2005. S. 15–45.

15. Habscheid S. Das Internet — ein Massenmedium? // Websprache.net Sprache und Kommunikation im Internet / hg. von Torsten Siever, Peter Schoblinski, Jens Ruhnkehl. Berlin; New York, 2005. S. 46–66.

16. Hyland K. Writing without conviction? Hedging in scientific research articles // Applied Linguistics. 1996. № 17 (4). P. 433–454.

17. Kiesendahl J. Status und Kommunikation. Ein Vergleich von Sprechhandlungen in universitären E-Mails und Sprechstundengesprächen. Erich Schmidt Verlag, 2011. 393 s.

18. Weinrich H. Formen der Wissenschaftssprache // Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1989. S. 119–159.

19. Wirth U. Chatten. Plaudern ohne Mitteln // Websprache.net Sprache und Kommunikation im Internet / hg. von Torsten Siever, Peter Schoblinski, Jens Ruhnkehl. Berlin; New York : de Gruyter, 2005. S. 67–84.

Сведения об авторах

Петрова Екатерина Игоревна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, Россия. eipetrova@sfedu.ru

Токарева Татьяна Евгеньевна — студентка 2-го курса магистратуры, кафедра немецкой филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, Россия. tattokareva95@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 81–88.*

SPEECH BEHAVIOR OF GERMAN PHILOLOGY PROFESSORS (Based on Texts of Academic Discourse)

E.I. Petrova

*Institute of Philology, Journalistic and Cross Cultural Communication, Southern State University, Rostov on Don, Russia.
eipetrova@sfedu.ru*

T.E. Tokareva

*Institute of Philology, Journalistic and Cross Cultural Communication, Southern State University, Rostov on Don, Russia.
tattokareva95@gmail.com*

In the article the stereotypical and individual features of speech portraits of German philologists are described based on the analysis of their speech behavior in the framework of academic discourse. The purpose of the article is to identify the pragmalinguistic elements of the author's speech portrait. An analysis of 2500 small syntactic groups containing speech signals of a personal, social, and subject plan of a speech strategy of the latent effect of "participation / non-participation of communicants in a speech event" has shown that, by creating texts in the framework of academic discourse, the authors take into account the unwritten norms and expectations of actualizing speech behavior within this discourse. However, despite the limitations that institutional types of discourses impose on the speech behavior of the senders of the text, the speech habit plays a crucial role in the formation of the speech portrait of a German philologist, in particular of his personality.

Keywords: *speech behavior, speech portrait, hidden impact strategies, hidden pragmalinguistics, academic discourse.*

References

1. Arutyunova, N.D. (1990) Diskurs [Discourse]. Moscow. 360 p. [in Russ.].
2. Deijk, T.A. van. (1989) Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya [Language. Cognition. Communication]. Moscow. [in Russ.].

3. Zubkova, L.I. (2009) Konstitutivnye priznaki akademicheskogo diskursa [Constitutive features of the academic discourse]. Volgograd. [in Russ.].
4. Karasik, V.I. (2002) Yazykovojkrug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd. [in Russ.].
5. Kibrik, A.A. (2009) Modus, zhanr i drugie parametry klassifikacii diskursov [Modus, genre and other discourse classification parameters]. Moscow. [in Russ.].
6. Matveeva, G.G. (1998) Diagnostirovanie lichnostnyh kachestv cheloveka po ego rechi [Determination of personal qualities of a person by his speech]. Rostov on the Don. [in Russ.].
7. Matveeva, G.G., Petrova, E.I. (2005) Rehevaya deyatel'nost' i rechevoe povedenie kak sostavlyayushchie rechi [Speech activity and behavior as the basis of a speech portrait]. Pyatigorsk. [in Russ.].
8. Matveeva, G.G. (2016) Rehevaya privychka kak osnova rechevogo portreta govoryashchego (na material britanskogo politicheskogo diskursa) [Speech habit as the basis of a speaker (based on British political discourse)]. Volgograd. [in Russ.].
9. Matveeva, G.G. (2015) Osnovy pragmalingvistiki [The basics of pragmalinguistics]. Moscow. [in Russ.].
10. Formanovskaya, N.I. (2015) Rechevoj etiket i kul'tura obshcheniya [Speech etiquette and communication culture]. Moscow. [in Russ.].
11. Shpenyuk, I.E. (2016) Nauchno-akademicheskij diskurs kak institucional'nyj vid diskursa [Scientific and academic discourse as an institutional form of discourse]. Gomel. [in Russ.].
12. Androutsopoulos, J. (2005) Onlinemagazine und Co. Publizistische Nischenangebote im Internet [Online magazines & Co. niche offers in the Internet]. Berlin, New York. (In German).
13. Dürr, M. (2005) Onlinepublishing und die Zukunft des Buches [Online publishing and the future of a book]. Berlin, New York. (In German).
14. Freyermuth, F.G. (2005) Der große Kommunikator. Soziale Konsequenzen von mediamerging und Transmedialisierung [The great communicator. Social consequences of media merging and transmedialization]. Berlin, New York. (In German).
15. Habscheid, S. (2005) Das Internet — ein Massenmedium? [The Internet — a mass medium?]. Berlin, New York. (In German).
16. Hyland, K. (1996) Writing without conviction? Hedging in scientific research articles. Oxford. (In English).
17. Kiesendahl, J. (2011) Status und Kommunikation. Ein Vergleich von Sprechhandlungen in universitären E-Mails und Sprechstundengesprächen [Status and Communication. Comparative studies of speech activities in e-mails and at consultations in universities]. Berlin. 393 p. (In German).
18. Weinrich, H. (1989) Formen der Wissenschaftssprache [The forms of the scientific language]. Berlin. (In German).
19. Wirth, U. (2005) Chatten. Plaudern ohne Mitteln [Chatting without devices]. Berlin, New York. (In German).